

0000490294

Альманах

АКЦЕНТЫ

Новое в массовой коммуникации

Выпуск 3-4

Воронеж
1999

76 Акценты.
А 446 Новое в
массовой коммуникации
Выпуск 3-4
1999

Р.В. Жолудь

Священное Писание: публицистические аспекты (к вопросу о генезисе христианской публицистики)

РОССИЙСКОЙ постсоветской прессе не так давно пришлось столкнуться с появлением нового — точнее, хорошо забытого старого — направления. Речь идет о религиозной публицистике. Поскольку Россия исторически многие века была страной православной, наибольшее развитие получило, естественно, христианское направление, в первую очередь, православное. С конца 80-х годов, из первых робких заметок в светской прессе и печатных изданий самиздатского качества религиозная публицистика развивалась в особое направление, нередко демонстрирующее высокий содержательный и оформительский уровень.

Религиозная публицистика, заявив о себе, оказалась довольно сложным явлением, со своими правилами, акцентировками и приоритетами, в котором современный публицист, не отягощенный специальными знаниями, часто чувствует себя очень неуютно (имеется в виду подлинная религиозная проблематика, а не сожаления о том, что РПЦ не платит налоги). Поэтому возникает логичный вопрос: что оказывает влияние на формирование тематики, проблематики, особых форм православной публицистики? Какая подпитка позволила ей в достаточно короткий период восстановить свое значение в качестве особого публицистического направления?

Здесь в первую очередь следует обратить внимание на особенное место во всей жизни православной Церкви так называемых канонов (в переводе с греч. — правило). Вообще, все церковное право основывается на канонических предписаниях — от правил поведения монаха до методов решения богословских проблем. А большинство канонических источников принадлежит III—VIII векам, и с тех пор остаются практически неизменными. Лишь иногда в них вносятся некоторые дополнения, связанные с современными проблемами. Приверженность этим древним правилам объясняется существованием в православии представления о неизменности веры и Церкви (*"Иисус Христос и вчера, и сегодня, и во веки Тот же"* (Евр. 13, 8); *"Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема"* (Гал. 1, 8)). Каноны же, в свою очередь, были созданы на основе Священного Писания и Предания (наследия св. отцов Церкви, правил Вселенских соборов). Так как последнее опирается также на библейский текст, значимость Писания в православии не вызывает сомнения.

Православная публицистика не могла не нести на себе отпечаток этой каноничности, потому в данной статье и предлагается рассмотреть "первоисточник" канонов (и церковной жизни вообще) — Библию — как публицистический текст. Предпосылкой к этому может служить понимание значения Библии для христианина — не мертвой (пусть даже и священ-

ной) истории, а совершенного руководства в жизни для человека любой эпохи. Не случайно, что на протяжении 2000 лет истории христианства Библия остается самой читаемой книгой в мире. Несомненно, что публицистичность Священного Писания не является его основным признаком или достоинством, и в этом смысле любой научный анализ библейского текста будет выглядеть односторонним. Но в то же время искусство авторов этих богодухновенных слов привлекает внимание своей глубиной, актуальностью и действенностью, и, следовательно, может служить ярким и талантливым примером публицистического творчества.

1. Ветхий Завет

Первая часть Библии — Ветхий завет — заимствован христианами у иудеев. Появление его первых книг относят к XV в. до н.э., хотя последние археологические находки позволяют предполагать еще более древний возраст этих текстов. Окончательная компиляция и перевод на греческий язык ветхозаветных книг относят к периоду правления императора Птолемея Филадельфа (284—246 г.г. до н.э.). По преданию, для перевода были созданы 70 мудрецов, из-за чего корпус получил название "Септуагинта" ("Перевод семидесяти"). Этот вариант и поныне считается очень авторитетным для христиан различных конфессий, хотя параллельно были сделаны переводы непосредственно с древнееврейского (так называемого масоретского корпуса).

Для христианства трактовка Ветхого Завета является довольно сложной. Во-первых, он имеет историческое значение, так как описывает период от сотворения мира до эпохи пришествия Христа. Во-вторых, его тексты имеют пророческий смысл, потому как предсказывают появление Спасителя, Его искупительную жертву, воскресение из мертвых и т.д. Наконец, это нравственно-мистическое предназначение: подготовка человека "ветхого" к новой, христианской жизни, воспитание его в жестких (порой жестоких) рамках Моисеева закона для последующего принятия божественной вопрошающей благодати. Кроме того, существуют многочисленные аллегорические толкования отдельных ветхозаветных эпизодов.

Уже из перечисленных трактовок ветхозаветных текстов можно судить о присутствии в них публицистических элементов. В самом деле, если бы Ветхий завет рассматривался исключительно как исторический текст, был бы он тогда священным для христиан? Очевидно, нет.

Первые пять книг Ветхого Завета, так называемое

Пятикнижие Моисея, или Тора (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие) для христианства стали законополагающими. Но не только рассказывают о сотворении и первоистории мира, о возникновении израильского народа. Главное их содержание — установление завета Бога с человеком, подготовка последнего к следующей — новозаветной — ступени богообщения.

Христианство берет из Пятикнижия огромное количество идей. Это представление о человеке как об образе и подобии Бога, царе природы: *"И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле"* (Быт. 1, 26). Это и центральная христианская идея трехопадения человека (Быт. 3). В книге Исход дается фундаментальные десять заповедей (Исх. 20, 2—17), Левит выдвигает требования чистоты и святости и в богослужении, высокие нравственные требования к священникам: *"Они [священники] должны быть святы Богу своему и не должны бесчестить имени Бога своего"* (Лев. 21, 6). Кроме того, все Пятикнижие дает этические и практические законы, многие из которых перешли в христианство и в течении всей его истории определяли нравственные и социальные поступки религии¹. Это относится к примеру, к следующим словам: *"Если найдешь вола врага твоего или осла его заблудившего, приведи к нему"* (Исх. 23, 4); *"Никто ни к какой родстве ни плати не должен приближаться, чтобы открыть наготу"* (Лев. 18, 6); *"Не должен находиться у тебя... прорчатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзость пред Господом всякая. делаящий это"* (Втор. 18, 10—12).

Книги Бытия и Исход к тому же дали множество ярких публицистических образов, вышедших из собственности христианской среды и продолживших свою жизнь в светской сфере. Это слова, ставшие образными моделями, образами-концентрациями, фразеологизмами: *Адам и Ева, Содом и Гоморра, Ноев ковчег, Вавилонское столпотворение, земля обетованная, мати небесная, казни египетские, всесильный потоп* и даже — *козел отпущения*.

Большое значение для христианства имеют даже исторические книги (Иисуса Навина, Судей, Руфи, четыре книги Царств, две книги Паралипоменон, 1-я книга Ездры, Неемии, Есфиря²). Так, несомненно, что беды Израиля на протяжении всей его истории имеют ди-

дактический смысл и интерпретируются в соответствии с христианской этикой и мистикой. Например, все наказания, выпадавшие на долю иудеев, возникают в силу того, что они постоянно забывают, передают свой завет с Богом, начинают поклоняться идолам, духовно деградировать: *"И делал Иуда неугодное пред очами Господа... И устроили они у себя высоты и статуи и капища на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом. И блудники были также в этой земле и делали все мерзости тех народов, которых Господь прогнал от лица сынов Израилевых. На пятом году царствования Ровоамова Сусакам, царь Египетский, вышел против Иерусалима и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского"* (3 Цар. 14, 22—26). Книга Иисуса Навина, строго ориентированная на исторические детали, тем не менее, являет пример того, как Бог помогает верящему в Него народу. Тем более, что завоевание евреями обетованной земли под предводительством Иисуса Навина всегда интерпретировалось христианами как трудный путь в Царство Небесное под руководством Христа.

Книга Руфи дает уже практически христианский образ своей героини, которая, будучи вдовой чужеземкой в Израиле, за свои высокие нравственные качества принимается в достаточно ксенофобское еврейское общество и становится прабабкой царя Давида, тем самым получая место в будущей родословной Христа: *"Мне сказано все, что сделала ты для свекрови своей во смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца и твою мать и твою родину и пришла к народу, которого ты не знала вчера и третьего дня; да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к которому ты пришла, чтобы успокоиться под Его крыльями!"* (Руфь 2, 11, 12).

Такой же нравственный пафос заложен в книге Товита: нужно исполнять родительскую волю, творить милостиво, хоронит усопших. Не случайно этот отсутствующий в еврейском корпусе текст становится нужным и душеполезным для христианина. Ангел Рафаил говорит Товиту: *"Доброе дело — благовоспитать Бога, превозносить имя Его и благоговейно проповедовать о делах Божеских... Делайте добро и зло не постигнет вас. Доброе дело — молитва с постом и милостыней и справедливостью. Лучшее малое со справедливостью, нежели многое с неправдою; лучше творить милостиво, нежели собирать золото, ибо милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех... Когда ты хоронил мертвого, и также был с тобою. И когда ты не обличил встать и оставить обед свой, чтобы пойти и убрать мертвого, твоя благовоспитательность не упала с тебя"* (Тов. 12, 6—13). Таким образом, те нравственные постулаты, которые позже уже отчетливо прозвучат в Нагорной проповеди Христа и станут идеалом жизни для Его учеников, обозначены уже в ветхозаветной дидактике.

Уже в этих книгах вырисовывается основная публицистический стиль ветхозаветной Библии — дидактико-монологический, поучающий. Это голос Творца, воспитывающего свое творение, и в нем не встретит полемичности или, тем более, неуверенности. В рамках такого проповеднического монолога и будет существовать поздние части христианской публицистики в жанрах поучений, наставлений, проповедей и воззваний.

Другую группу составляют так называемые учительские книги (книга Иова, Псалтирь, Притчи Соломона, Екклесиаст, Песнь Песней). Среди них в первую оче-

¹ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. — Т. 2. Средневековье. — СПб., 1995. — С. 3.

² Некоторые ветхозаветные законы были все-таки упрощены христианством как необязательные или бессмысленные после прихода Христа. Это относится, например, к запрету на употребление в пищу свиинны (Лев. 11, 7) и к почитанию субботы (Исх. 20, 10) — в христианстве оно заменено празднованием воскресенья.

³ Здесь используется традиционная православная классификация. Некоторые исследователи причисляют к Историческим еще и Пятикнижие (см., напр., Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. — Т. 2. Средневековье. — СПб., 1995. — С. 3, 4). Кроме того, существуют неканонические тексты, оригиналы которых не сохранились или считаются недостаточно надежными. Они не входят в еврейскую и протестантскую версии Библии, но православное христианство все же принимает их, используя древнегреческий перевод. Таковы книги Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, 2-я и 3-я книги Ездры, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Послание Иереми, пророка Варуха, 3 книги Маккавейских.

рель заслуживает внимания книга Иова, имеющая несомненные философские и художественные достоинства. Она также формирует христианское мировоззрение, особенно ярка в ней идея смирения. Сюжет краток: праведник Иов за свои добрые дела имеет успех во всех своих земных предприятиях. Но сатана говорит Богу, что Иов праведен исключительно по причине своего бездельного существования: "Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? ... Но простри руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане, вот, все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твои" (Иов 1, 19—23). У Иова затем убивают скот, режут скот, ураган разрушает дом, в котором погибают его дети. Это не могло поколебать праведника. Тогда сатана насыпает на него проказу. По израильскому закону Иова изгоняют из города. К нему приходят три его друга, спор с которыми составляет основную часть книги. Они утверждают, что Бог не наказывает никого зря: "Он [Бог] знает, подей ли живых и видит беззаконие, и оставит ли его без внимания?" (Иов 11, 11); Иов же утверждает, что в этом мире страдают и праведники, и остается уверен в том, что будет оправдан: "Вот Он убивает меня, но я буду надеяться; я жезл бы только отстоять пути мои пред лицом Его!" (Иов 13, 15). В финале книги Бог говорит Иову, что страдания посылаются не только за грехи, но и как вразумление, испытание. Иов расканяется и получает исцеление. И уже здесь поднимается важнейшая онтологическая проблема христианства — смысл человеческих страданий и отношение к ним. Для настоящего исследования книга Иова интересна еще и тем, что в ней появляется совершенно не характерная для Ветхого Завета полемичность (хотя она и "обрубается" в итоге голосом высшего Судьи).

Притчи Соломона продолжают нравственно-практическую дидактику Ветхого Завета, так как касаются чуть ли не всех сторон человеческой жизни. В них примечательна четкая оппозиция "мудрость — безумие", имеющая совершенно иное значение, чем в античности. Мудрость для автора Притчей — это исполнение Божьих заповедей, безумие — любой грех: "Господь дает мудрость, из уст Его — знание и разум" (Притч. 2, 6). Такое понимание безумия и мудрости встретится уже в Новом Завете у апостола Павла.

Книга Екклесиаста возвращает читателя к онтологической проблематике: "Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?" (Еккл. 1, 2, 3). Интересно, что ставя такую экзистенциальную проблему, автор не находит на нее ответа. Он приходит к выводу о бесплезности всех земных дел, но не находит альтернативной цели. Вопрос о смысле человеческого бытия остается открытым, и, по мысли христианских толкователей, ответ на него может дать только Новый Завет.

К учительским книгам примыкает еще две неканонические: книги Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Первая из них мистико-философского плана, вторая похожа по своей проблематике на книгу Притчей.

Последняя группа ветхозаветных книг — пророческие (Исайя, Иеремия, Иезекииль, Даниила и др.). Они имеют в основном мистический смысл и возвещают о будущем приходе Христа на землю. В то же время в них встречаются обличения израильтян: "От малого до

большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют живоно... Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют. За то падут между падающими, и во время посещения Моего повержены, говорит Господь" (Иез. 6, 13—15). В этом отношении для древнееврейского народа пророки были своего рода публицистами, так как выступали со своими проповедями перед большой аудиторией и их речи были направлены на актуальные для израильтян проблемы. Так как слово Божие они пропускали сквозь себя, представляется возможным говорить об индивидуальном публицистическом стиле пророков: властный и строгий тон Исайи (род. в 765 г. до н.э.), принадлежавшего к высшему сословию, экспрессивная и возвышенная манера сына священника Иезекииля (500—400-е гг. до н.э.), простые слова крестьянина Амоса (700-е годы до н.э.) ярко разнятся между собой.

"Пророчество о долине видения. — Что с тобою, что ты ешь взошел на кровли? Город шумный, волнуемый, город лживый! Пораженные твои не мечом убиты и не в битве умерли, все вожди твои бежали вместе, но были связаны стрелками, все, любимые у тебя, связаны вместе, как ни далеко бежали. Потому говорю: оставь меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня в разорении: дочери народа моего. Ибо день сияющего и погарающего зачатия в долине видения от Господа Бога Саваофа. Лопочут стену, и крик восходит на горы. И Елам несет колчан: люди на колесницах и всадники, и Кир обнажает щит. И вот, лучшие долины твои полны колесницами, и всадники выстроились против ворот, и снимают покров с Иудеи; и ты в тот день обратишь взор на запас оружий в доме кедровом. Но вы видите, что много проламов в стене города Давидова, и собираете воды в низинном пруде; и отмигаете дома в Иерусалиме, и разрушаете дома, чтобы укрепить стену; и устроите между двумя стенами хранилище для вод старого пруда. А на Того, Кто это делает, не смотрите, и не сморщите не Того, Кто избавил, определит это. И Господь, Господь Саваоф, призывает вас в этот день плакать и сетовать, и остричь волосы и претоптаться вретником. Но вот, веселье и радость! Убивают волов, и режут овец; едят мясо, и пьют вино: "будем есть и пить, ибо завтра умрем!" И открыл мне в уши Господь Саваоф: не будет прощено вам это нечестие, доколе не умрете, сказал Господь, Господь Саваоф".

(Ис. 21, 1—14).

"И было ко мне слово Господне: и ты, сын человеческий, скажи: так говорит Господь Бог, земле Израильской конец, — конец пришел на четыре края земли. Вот конец тебе: и пошло на тебя гнев Мой, и буду судить тебя по пути твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Мое, и не помилую, и воздаю тебе по пути твоим, и мерзости твои с тобою будут, и узнаете, что Я Господь. Так говорит Господь Бог: беда едшиствителю, вот идет беда. Конец пришел, пришел конец, встал на тебя; вот дошла, дошла капля до тебя, жистель земли! приходит время, приближается день сияющего, а не веселых восклицаний на горах. Вот скоро изолью на тебя ярость Мою и совершу над тобою гнев Мой, и буду судить тебя по пути твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Мое и не помилую... Вот день! вот пришла, наступила катастрофа! жезл вырос, гордость разрослась. Восстанет слава на жезл не-

честия, ничего не останется от них, и от богатства их, и от шума их, и от пышности их. Пришло время, наступил день; кутивший не радуется, и продающий не плачет; ибо гнев над всем множеством их".

(Иез. 7, 1—12).

"Слушайте слово сие, тельцы Васанские, которые на горе Самаритянской, вы, притесняющие бедных, угнетающие нищих, говорящие господам своим: "подавай, и мы будем пить!" Клялся Господь Бог святостью Своєю, что вот, придут на вас дни, когда полкнут вас крюками и остальных ваших удами. И сквозь проломы стен выйдете, казюба, как случится, и бросите все убранство чертогов, говорит Господь".

(Ам. 4, 1—3).

В приведенных цитатах обращает на себя и язык — экспрессивный, насыщенный тропами, стилистическими фигурами. Он несомненно публицистичен, хотя и несет на себе заметную печать архаики.

Итак, несомненно, что публицистические моменты присутствуют в Ветхом Завете. Но выделять их можно весьма условно; как и во всех древних текстах они присутствуют синкретично, в неразрывной связи с другими — этнологическими, историческими, мистическими элементами. Тем более, что в данном контексте они имеют значение только для будущего становления христианской публицистики.

2. Новый Завет. Евангелие.

Первые книги Нового Завета появились в конце I века, а в начале третьего их корпус практически сформировался. Они продолжают священную историю Ветхого Завета, рассказывая о пришествии на землю Христа и завершая ее ожиданием Судного дня.

Первая и, без сомнения, главная часть Нового Завета — это Четвероевангелие (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна). Формально оно напоминает ветхозаветное Пятикнижие, потому что и в нем историческое повествование перескакивает с морально-этическим, философским и мистическим. Так, нравственный пафос достигает своего апогея в Нагорной проповеди Христа (Мф. 5—7).

С другой стороны, в публицистическом разрезе Евангелие имеет отличие от Ветхого Завета, и прежде всего, в своей цели. Если тот был предназначен для практического применения лишь иудейским народом, малельной замкнутой группой, то Евангелие имеет специальное назначение, состоящее в распространении его среди народов. Воскресший Иисус говорит апостолам: "Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелевал вам" (Мф. 28, 19, 20); "Идите и проповедуйте Евангелие всей твари" (Мк. 16, 15). То есть евангельская история была специально предназначена для распространения, акта коммуникации, обращения к широкой аудитории. Само греческое слово "евангелие" — "благая весть" — подтверждает эту мысль. Кроме того, Новый Завет, как будет показано ниже, демонстрирует другую публицистику: динамичную, побуждающую к осмыслению и действию, зачастую жестко полемичную. Даже Бог, явившийся на землю в человеческом облике, уже не дидактизирует, а спорит, доказывает, обличает, т.е. говорит с человеком почти "на равных". В конце концов, Евангелие — это свидетельство. Апостол Иоанн

говорит в конце своего повествования: "Сей ученик свидетельствует о сем и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его" (Ин. 21, 24). А свидетельство — это уже публицистика.

Показательным является и то, что в Новый Завет было включено не одно, а четыре Евангелия. Это произошло оттого, что четыре евангелиста описывают увиденное (или услышанное) по-разному, с разных точек зрения, помогая лучше понять смысл рассказываемого. Матфей делает акцент на исполнение ветхозаветных пророческих предсказаний, например: "Тогда сбылось реченное через пророка Иеремью, который говорит: глас в Раиме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет" (Мф. 2, 18). Марк дает образ Христа-царя, повелителя, подробно описывает его чудеса: "И встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливый? как у вас нет веры? И убоились страхом великим и говорили между собой: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?" (Мк. 4, 39—41). Лука более других придерживается историческим рамкам, упоминает императоров, эпохи, уделяет большее внимание человеческой жизни Иисуса: "В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авхиде, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне" (Лк. 3, 1, 2). Иоанн же открывает читателям, что Христос есть Бог, явившийся во плоти: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И Слово стало плотью, и обитало с нами" (Ин. 1, 1, 14).

Главный пафос евангелистов все-таки мистический: это осознание прихода Мессии, исполнения пророчеств, восстановления связи человека с Богом во всей ее полноте. Поэтому даже структура их текстов не похожа на ветхозаветные или нехристианские: Евангелие является одновременно и исторической, и учительской, и философской, и культурной книгой, как бы охватывая все области человеческого бытия. А Евангелие от Луки несет в себе черты эпистолярного жанра, так как формально является письмом, посланием: "...Рассудилось и мне, по тщательным исследованиям всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, что бы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен" (Лк. 1, 3, 4).

Что касается публицистической проблематики, то она, в первую очередь, представлена возмещением прихода ожидаемого Мессии: "Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовещуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне" (Мф. 11, 2—6). Поэтому евангелист Матфей постоянно

⁴ В данной работе все четыре Евангелия в совокупности будут называться просто Евангелием.

⁵ Ал. Матфей видит в этих словах пророка Иеремии (Иер. 31, 35) предсказание о знаменитом избиении младенцев, учиненном Иродом.

упоминает о предсказаниях пророков. Описывая, к примеру, историю входа Христа в Иерусалим, он добавляет: "Все же сие было, да будет реченное через пророка, который говорит: Скажите дочери Синовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на осле и на молодом осле, сыне подъяремной" (Мф. 20, 4, 5). Здесь апостол дословно цитирует слова ветхозаветного пророка Захарии (Зах. 9, 9).

Соответственно на первый план выходит религиозно-философская тема, включающая в себя онтологию, гносеологию, мистику и догматику веры. То есть читатель Евангелия в первую очередь получает представление об основных положениях религии. Как правило, Евангелие дает их в речах Христа. "Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день" (Ин. 6, 35—40).

В Евангелии находится как бы точка соединения двух эпох: с одной стороны, сбывается древнее пророчество, в мир приходит Мессия, обещанный Ветхим заветом; с другой — дается новое пророчество, исполнения которого будут ожидать христиане всех эпох. Это Судный день, второе пришествие Христа. "Как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой... И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и привел потоп и погубил всех... Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится. В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад... Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; двое будут молотить вместе: один возьмется, а другой останется" (Лк. 17, 24—36). Таким образом, в Евангелии происходит рождение еще одной — эсхатологической — темы христианской публицистики.

Появление христианства означало и изменение этических постулатов. Нагорная проповедь Христа стала в этом отношении поворотным пунктом в истории человечества. "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилуются. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят..." (Мф. 5, 3—8). "Но вы, слушатели, говорю, любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и опинающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку... Всякому, просящему у тебя, дай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними" (Лк. 6, 27—31).

В христианской жизни на первый план выступа-

ет аскетика, причем в достаточно категорической форме: "Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня" (Мф. 10, 34—38).

Евангелисты касаются вопросов чистоты веры, рисуя читателю конфликт между Иисусом и влиятельной сектой фарисеев. Самые гневные слова Евангелия обращены против "закваски фарисейской" (Мк. 8, 15). Отныне это слово станет нарицательным для лицемеров во всем мире. "Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; так все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжельные и неудобносмысленные и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширят хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлезания на турбетах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!" (Мф. 23, 1—7).

Появляется и тема ереси, давшая позднее целый пласт христианской публицистики, отличавшейся своей полемичностью и предельной эмоциональностью. Евангелие предупреждает: "Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные" (Мф. 7, 15); "Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят... И многие лжепророки востанут" (Мф. 24, 4, 5, 11).

Интересен и язык Евангелия. Для него характерна простота, доступность для понимания, но в то же время глубокая образность, что должно оказывать более сильное воздействие на аудиторию. "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас" (Мф. 7, 6); "И никто к ветхой одежде не приставляет заплатки из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое" (Мф. 9, 16, 17).

Ту же самую функцию, очевидно, выполняют притчи, которыми богато украшен евангельский текст. "И научились много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять, и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на место каменистое, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же вошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и пришло в плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!" (Мф. 13, 3—9). "И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бражит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, по-

тому что настала жатва" (Мк. 4, 26—29).

Живой, полемический язык, характерный для публицистики, придает евангельскому тексту многочисленные риторические вопросы: "Иисус... сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его? И если Я силой веельзуды изгоню бесов, то сыновья ваши чьею силой изгоняют? Посему они будут вам судьями. Если же Я Духом Божиим изгоню бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие. Или, как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного?" (Мф. 12, 25—29).

Евангелие так же, как и первые книги Ветхого Завета, подарило миру вечные образы и фразеологизмы: Иуда, Ирод, избитие младенцев, крест, глас вопиющего в пустыне, фарисей и др.

В Евангелии просматриваются первые проблемы христианства, очерчивается тематический круг будущей публицистики, формируется ее язык. И предварительно можно указать, что процесс становления христианской публицистики заметен уже в евангельском тексте.

3. Послания апостолов

Крме Четвероевангелия в Новый завет входят Деяния апостолов, большой корпус посланий и посланий и Апокалипсис. По понятным причинам не касаясь последней книги, видится возможным оставить без анализа и Деяния. Эта книга исторического плана, повествующая в первой своей части о событиях, происшедших после вознесения Христа, во второй — о деятельности ап. Павла. Элементы публицистики присутствуют, конечно, и в ней, но они кажутся незначительными.

Гораздо больший интерес для нашего анализа представляют послания апостолов. В Новый завет входят послание Накова, 2 послания Петра, 3 послания Иоанна, послание Иуды и 14 посланий ап. Павла. Здесь речь уже будет идти не о элементах публицистики, а о полноценных публицистических текстах.

Послания апостолов записывались и рассылались поместным Церквям, христианским общинам, находившимся далеко друг от друга. Они имели четкие функции — вероучительную, миссионерскую, толковательную (экзегетическую), дидактическую и т. п. Послания касались проблем, актуальных для христианства того времени: этики, обряда, опасности ересей и расколов. Впрочем, заявленная ими проблематика сохранилась на протяжении всей истории христианской Церкви, изменившись лишь формально.

Вероучительно-богословский момент апостольских посланий состоял в напоминании и разъяснении мистического смысла прихода Христа, евангельских и ветхозаветных эпизодов, в толковании заповедей: "Что пользы, братья мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наши и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: "идите с миром, грейтесь и питайтесь", но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажите кто-нибудь: "ты имеешь веру, а я имею дела". Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру

мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь, и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?" (Иак. 2, 14—20).

Продолжая традицию Евангелия, апостолы проповедают этические идеалы христианства: "Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы владеем ушами в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот, и корабли, как ны велики они и как ны сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, и как ны сильными ветрами носится, небольшим рулем направляется, куда хочет кормчий; так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажжигает! И язык — огонь, украсил неправду; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспламеняет круг жизни, будучи сам восплаем от нечестия. Ибо всякое животное зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естественным человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это — неуправляемое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благоволяет Божь и Иисуса, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть" (Иак. 3, 2—10).

Общим этическим требованием обязательно сопутствует аскетика: "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек" (1 Ин. 2, 15—17).

Авторы посланий касаются и регламента жизни христианина, обрядов, бытовых вопросов. "Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы. Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне" (Иак. 5, 13, 14). "Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, как вы повинуетесь слову, житием же не слову приобрительны были, когда увидит ваше чистое, безоблаченное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердцу человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом... Также и вы, мужья, обращайтесь благообразно с женами, как с немишнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах" (1 Пет. 3, 1—7).

У апостолов продолжается и евангельская эсхатологическая тема, которая используется как основание для непрестанного самосовершенствования христианина. "Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят" (2 Пет. 3, 10). "По упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, — жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, — ярость и гнев" (Рим. 2, 5—7).

Нет ничего удивительного, что у молодой, строгой религии появились враги. Теме апологии, полемике с нехристианами и еретиками также было суждено

статья вечной — на протяжении столетий менялись лишь названия сект и ересей. В первоапостольские времена первыми противниками христиан стали иудеи, не желавшие принять Иисуса как обещанного Мессии. "Вы, братья, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимися в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождають, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих, но приближается на них гнев до конца" (1 Фес. 2, 14—16).

Другая опасность исходила от язычников, причём апостолы относят к ним как греко-римские цивилизованные народы, так и полудиких варваров. Сама опасность язычества заключалась в том, что неопытный христианин-неофит вполне мог принять участие в язычески-блуднике, жертвоприношении, оргии, нарушив, тем самым, первую заповедь Моисеева закона. "Дети! храните себя от идолов" (1 Ин. 5, 21). "Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу" (Кол. 2, 8).

И, наконец, существовали ереси внутри самого христианства, и от них также нужно было ограждать новообращенных христиан. "Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши" (1 Ин. 2, 19). "Взрались некоторые люди, издревле предначиняемые к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа" (Иуд. 1, 4).

Отдельного внимания заслуживает фигура ап. Павла, чьему перу принадлежит большая часть посланий⁶.

Из различных источников⁷ известно, что ап. Павел (Савл) родился сам начал в н.э. в малоазиатском городе Тарсе в иудейской семье, имевшей римское гражданство. Его родители, по преданию, принадлежали к фарисейской среде. Савл учился в Иерусалиме у одного из крупнейших представителей фарисейства того времени Гамалиила, получил хорошее классическое образование, знал древнееврейский, арамейский, греческий и, возможно, латинский языки. В середине 30-х годов I века Савл становится ярким гонителем христиан, но ему, как гласит Библия⁸, является Христос, и с тех пор Савл под именем Павел выступает как ярчайший проповедник Евангелия. Его "хредо" становится проповедь Евангелия среди язычников — он сам называет себя "апостолом язычников" (Рим. 11, 13). В период с 45 по 52 г.г. Павел обходит Малую Азию, посещает Кипр, Балканы, Македонию, Грецию, Испанию. Около 67 года (во время правления императора Нерона) его арестовывают в Риме и казнят.

Сам факт преобладания в апостольских посланиях текстов Павла говорит о признании его высокого проповеднического, публицистического таланта. Ап. Павел, проповедовавший христианство среди язычников, опекал множество Церквей и общин, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Послания были оптимальным способом их окормления, а боготочивенность, значимость и универсальность текстов позволили включить их в новозаветный канон. Следует отметить, что в него входят не только послания общинам (Римлянам, Фессалоникийцам, Коринфянам и др.), но и отдельным лицам (Тимофею, Титу, Филимону).

Так же, как и у других апостолов, у Павла на первом месте стоит вероучительная тема, тема евангельской проповеди. "Если я благовествую, <...> это необходимою обязанность моя, и горе мне, если не благовестую!" (1 Кор. 9, 16).

Больше, чем остальные, апостол уделял внимание этике и регламентации христианской жизни. "И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13, 3). "Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (1 Тим. 2, 1, 2). "Епископ должен быть непорочен, как Божий домохозяин; не дерзок, не гневлив, не пьяница, не блудник, не корыстолюбив, но миролюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать" (Тит. 1, 7—9).

Апостол откликался на и конкретные события, происходящие в общинах. "Есть верный слух, что у вас появились блудодевы, и притом такое блудодевие, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. И вы возгордились вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сеголюбивший такое дело" (1 Кор. 5, 1, 2). В то же время некоторые из таких ответов стали классическими для христианства: "Сделалось мне известно о вас, братья мои, что что между вами есть епюры. Я разумею то, что у вас говорят: "я Павлов", "я Аполлосов"; "я Кифин"; "я Христов". Разве разделил Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?" (1 Кор. 1, 11—13).

Большое внимание ап. Павел придавал борьбе с язычниками, еретиками, иудеями: "Есть люди, слушающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема" (Гал. 1, 7, 8). "Вот истинные благовестники, они [иудеи] враги ради вас" (Рим. 11, 28). "Итак, возлюбленные мои, избегайте идолослужения. <...> Язычники, принося жертвы, приносят их бесам, а не Богу... Не ложите пить чашу Господню и чашу бесовскую" (1 Кор. 10, 14—21). Отрицательно он относился и к античной (т.е. языческой) философии. "Ибо написано: позубо мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?" (1 Кор. 1, 19, 20). "Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную" (1 Кор. 2, 6, 7).

Примечательно, что при сочинении посланий ап. Павел как опытный проповедник-публицист обязательно

ориентирован на предполагаемую аудиторию. Так, в послании к Римлянам он противопоставляет этнически закрытую религию древнего Израиля доступному для всех христианству. Это была главная заслуга апостола — он доказал, что христианством может стать не только "богоизбранный" иудей, но и любой уверовавший язычник. "Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог" (Рим. 3, 29, 30). В послании к Галатам он отвергает иудейское обрезание для христиан: "Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезаетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Обещательство всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью" (Гал. 5, 2—6).

В послании же к Евреям ап. Павел осторожно и тщательно пытается доказать, что Иисус и был тем самым обещанным Мессией: "Надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, возводя спасения их совершил через страдания" (Евр. 2, 10).

Павел сам признается в использовании, как бы сейчас сказали, пропагандистской методики: "Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработал себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом <...>; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных" (1 Кор. 9, 19—22).

Что касается языка и стиля апостольских посланий, то они являются собой древний эпистолярный жанр. К примеру, I послание ап. Петра начинается словами: "Петр, Апостол Иисуса Христа, пришлецым, рассеянным в Понте, Галатию, Каппадокию, Асию и Вифинию, избранным, по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа: благодать вам и мир да умножится" (1 Пет. 1, 1, 2); заканчивается: "Сие кратко написал я вам чрез Силуана, верного, как думаю, вашего брата, чтобы уверить вас, утешить и свидетельствовать, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите. Приветствует вас избранный, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой. Приветствуйте друг друга любящим сердцем. Мир вам всем во Христе Иисусе. Аминь" (1 Пет. 5, 12—14). Эти формулы вполне соответствуют принятым в то время в Римской империи обращениям.

В основном же язык посланий продолжает евангельскую традицию. Все тексты отличаются богатой образностью: "Есть ичашник свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломались, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишь себя перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, а корень тебя" (Рим. 11, 16—18). Посла-

ния ап. Павла отличаются парадоксальностью, риторическими вопросами, экспрессивностью: "Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а именно в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем. Если же наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? Не будет ли Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак. Ибо иначе как Богу судить мир? Ибо, если верность Божия возвышается над моей неверностью к славе Божией, за что же судить меня, грешника? <...> Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного" (Рим. 3, 1—10). "А если кто смеет хвалиться чем-либо, то скажу по неразумию смее и я. Или Евреи? и я. Изральтиние? и я. Селия Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю); я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти" (2 Кор. 11, 21—23). Тенденция к повышенной действительности слова становится ярко выраженной и что характерно для публицистики.

Итак, истоки христианской публицистики лежат еще в Ветхом завете, на нерасчлененном, первично-синкретическом уровне. В этом отношении Ветхий завет публицистичен настолько, насколько публицистичен любой древний исторический текст. Его публицистика статичная, монологическая, дидактическая. В Евангелии и апостольских посланиях синкретизм появляется уже на ином уровне. Современный христианин тоже живет по Библии, она регламентирует практически все стороны его жизни, поэтому библиейский (точнее — новозаветный) текст имеет для него непосредственное значение, актуальность. Здесь публицистика становится динамичной, побуждающей к рефлексии, действительно, полемической. Возникают "вечные темы" христианской публицистики, которые существуют на протяжении всех историй христианства: собственно богословие, христианские онтология и гносеология, этика и аскетика, апология, полемика с язычниками и еретиками. Ориентация на большую аудиторию, обращение к вечным, но животрепещущим проблемам человеческой жизни, единство эмоционального и рационального в проповеди давало потрясающий результат. Сама форма распространения религии — проповедь, миссионерство — не могла обойтись без публицистического инструментария. И он активно использовался — как апостолами, так и поздние отцами Церквей. Именно анализу продолжения библиейской публицистической традиции в первые века христианства планируется посвятить следующую работу.

г. Воронеж.

⁶ По мнению некоторых историков, ап. Павлу несколько посланий приписывается ошибочно. См.: Атенский словарь. — М., 1986. — С. 329. Например, см.: Атенский словарь. — С. 329. Церковная история Евсевия Памфила // Богословские труды. — Вып. 25. — М., 1984; Книга о Церквах. — М., 1997. — С. 259.
⁷ Библиейский вариант биографии ап. Павла представлен в новозаветной книге Деяний апостолов.